

MAIN STREET

Коллекция «Бургунди»

Ранее в серии MAIN STREET
вышли

Коллекция «АМЕТИСТ»

Дженнифер Арментроут. ОБСИДИАН
Дженнифер Арментроут. ОНИКС
Дженнифер Арментроут. ЖАРКИЙ ПОЦЕЛУЙ
Дженнифер Арментроут. ОПАЛ
Дженнифер Арментроут. ОТСЧЕТ
Эми Эвинг. ДРАГОЦЕННОСТЬ
Дженнифер Арментроут. ХОЛОДНЫЕ ОБЪЯТИЯ
Дженнифер Арментроут. ОТСТУПНИК

Коллекция «ДЕНИМ»

Катя Миллэй. ОКЕАН БЕЗМОЛВИЯ
Ава Деллайра. ПИСЬМО НА НЕБЕСА
Жасмин Варга. МОЕ СЕРДЦЕ И ДРУГИЕ ЧЕРНЫЕ ДЫРЫ

Коллекция «СКАРЛЕТ»

Дженнифер Арментроут. ЖДУ ТЕБЯ
Моника Мерфи. ДЕВУШКА НА НЕДЕЛЮ
Саманта Тоул. БЕГСТВО К ЛЮБВИ
К.-А. Такер. ДЕСЯТЬ МАЛЕНЬКИХ ВДОХОВ
Пенелопа Дуглас. АГРЕССОР
Дженнифер Арментроут. БУДЬ СО МНОЙ

Коллекция «УЛЬТРАФИОЛЕТ»

Мэтт Хейг. ЭХОБОЙ
Александра Бракен. ТЕМНЫЕ ОТРАЖЕНИЯ
Вероника Росси. ПОД НЕБОМ, КОТОРОГО НЕТ
Ромина Рассел. ЗОДИАК

Коллекция «ДАРК»

Дженнифер Арментроут. НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ
Кристина Лорен. СОВЕРШЕНСТВО

РЭЙЧЕЛ КЕЙН

ПРИНЦ ТЕНЕЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К33

Rachel Caine

THE PRINCE OF SHADOWS

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств
The Knight Agency и Nova Littera SIA.

Оформление обложки *Екатерины Климовой*

Кейн, Рэйчел.

К33 Принц Теней : [роман] / Рэйчел Кейн ; [пер. с англ. М. Тогобецкой]. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 480 с. — (Серия MAIN STREET. Коллекция «Бургунди»).

ISBN 978-5-17-088660-9

Кланы Монтекки и Капулетти преследуют только одну цель — власть. Мальчики рождаются в них для того, чтобы сражаться и умирать за честь своей семьи. Но если судьба позволит выжить, выгодный брак должен быть заключен. Влияние и деньги, но только не любовь. Девочки — это еще одна часть капитала рода. Если распорядиться ими с умом. Их судьба предрешена в день их рождения.

Бенволио Монтекки — кузен Ромео. Он знает, что его предназначение умереть за наследника и его клан, но в душе юноши польхает мятежное пламя непокорности. И ночью представитель старинного рода уступает место Принцу Теней, самому искусному вору в Вероне, которому под силу пробраться незамеченным даже во вражеский дом Капулетти. Этот визит и последовавшая за ним встреча запускает механизм страшного проклятия, которое перепишет судьбы и предначертания.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-088660-9

Copyright © Roxanne Longstreet Conrad, 2014
© М. Тогобецкая, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ПРОЛОГ

Я стоял в доме своего врага, в темном углу, и вполне серьезно размышлял об убийстве.

Тибальт Капулетти храпел и пускал слюни в своей постели, как беззубая старуха. Я смотрел — и диву давался: как только женщины Вероны, от простодушных служанок до благородных дам, могли терять из-за него голову! Если бы они увидели его таким, как сейчас, — пьяным, запутавшимся в мокрой от пота простыне, — они бы с визгом бросились обратно в объятия своих отцов и мужей.

Отличная из этого получилась бы история, но поделиться ею я мог только с самыми близкими.

Я вертел кинжал в затянутой в перчатку руке, чувствуя, как жажда убийства закипает в моих жилах. Но я не наемный убийца. Я пришел сюда не убивать. Я тайком пробрался в этот дом, в его покои, с другой, вполне определенной целью.

Тибальт, урожденный Капулетти, был известным в Вероне задирой и часто использовал в качестве оружия насмешку — что не редкость среди молодых людей нашего сословия. Он не гнушался тем, чтобы оскорбить или унижить кого-нибудь, и делал это при малейшей возможности. И вот сегодня он нанес оскорбление моему дому. Дому Монтекки.

Его жертвой стала молоденькая служанка.

Обычно господ не касаются оскорбления в адрес слуг, но меня вывела из себя самодовольная ухмылка, с которой Тибальт вывалился из тесной уличной ниши, доведя девушку до слез. Я видел, как она бежала от него, вся красная, стараясь прикрыться разорванным платьем... Он обидел эту девушку только для того, чтобы показать свое презрение к моему дому, к моей семье. И это нельзя было оставлять безнаказанным.

За такое нужно было отомстить.

И именно это я, Бенволио Монтеки, собирался сделать — не на улице, не в открытом бою, а здесь, в темноте. Сегодня ночью я был в маске, никто не узнал бы меня — и ничто в моем облике не указывало на мое положение и происхождение. Сегодня ночью я был вором — лучшим вором Вероны по прозвищу Принц Теней. Вот уже три года за мной охотились и не могли поймать, и сегодняшняя ночь ничем не отличалась от других.

За исключением одного.

Меня бросало в жар, у меня руки чесались вонзить кинжал в это ненавистное мне горло... Но убийство всегда порождает убийство — и поэтому я не хотел убивать Тибальта. Убийств между нашими семьями и так было предостаточно — улицы были скользкими от крови. Нет, я не хотел убивать... я хотел унижить его. Я хотел сбить спесь с этого самодовольного наглеца.

У меня было и желание, и возможность сделать это. Нужно было решить только, как именно, чтобы ранить его как можно больнее. Тибальт был официальным наследником рода Капулетти: он был богат, самоуверен и беспечен. Мне нужно было нанести ему удар в самое болезненное место:

унизить его в глазах его семьи, а еще лучше — всей Вероны.

Что это? Я заметил, как что-то блеснуло в свете луны на полу. Я прокрался в тот угол, где кучей валялась одежда Тибальта, и обнаружил на его камзоле брошь, усыпанную драгоценными камнями цветов дома Капулетти, — эта штучка вполне могла кормить в течение года какую-нибудь купеческую семью средней руки. Без сомнения, Тибальт за нее недоплатил — он скорее предпочел бы запугать участников сделки, чем дать справедливую цену. Я убрал трофей в свой кошелек, а затем очень тихо и осторожно вытащил рапиру Тибальта из ножен. Она скользнула на волю с тонким, поющим звуком, и я повертел ее в лунном свете, оценивая качество. Очень хороша. С выгравированным именем Тибальта и его гербом. Великолепное оружие. Именно оружие.

Он не заслуживал такой прекрасной вещи.

Я сунул ее обратно в ножны и приторочил себе на пояс, рядом со своей собственной рапирой. Пьяный, погруженный в полное беспомыслие наследник Капулетти храпел, а я стащил с головы свою черную шапочку и поклонился со всем изяществом и достоинством, точно так же, как поклонился бы ему на улице, если бы встретился с ним случайно. Я улыбнулся, но улыбка эта под шелковой маской, слегка влажной от моего дыхания, была больше похожа на гримасу.

— Спи, милый принц*, паршивый сукин сын, — прошептал я.

* Шекспир, У. «Гамлет», реплика Горацио, обращенная к мертвому Гамлету.

Тибальт причмокнул губами, что-то пробормотал пьяным голосом и повернулся на другой бок. Мгновенье спустя он снова захрапел, так громко и раскатисто, как будто камни катились по железной крыше.

Я скользнул за дверь его покоев, прокрался мимо его слуги, так же крепко спящего, и стал думать, как мне выбраться из дворца Капулетти. Казалось бы, самым простым и очевидным решением было уйти так же, как и проник сюда, — но я проскользнул во дворец днем, когда вокруг царили оживление и суета, в толпе слуг, доставлявших корзины с провизией с рынка. Целый день я провел, изучая каменную кладку в подвалах Капулетти. Поэтому возвратиться тем же путем было затруднительно: кухня сейчас наверняка была закрыта и охранялась.

Единственный путь лежал через сады. Нужно только перелезть через высокий каменный забор и не нарваться на кого-нибудь из головорезов, которых полно на ночных безлунных улицах.

Я поднимался по лестнице, преодолевая по две ступеньки за шаг, мягкая кожаная обувь бесшумно скользила по гладкому мрамору. Я был одет в серое — чтобы сливаться с серыми домами и мостовыми Вероны: это лучший способ стать невидимым в сумерках и ночью. И даже здесь, внутри дворца, это служило отличной маскировкой. Словно призраком, я крался мимо темных квадратов картин на стенах и канделябров с не погашенными на ночь свечами (вот истинное доказательство богатства семьи!). Лестницу украшал великолепный гобелен, и украсть его было бы заманчиво, но полотно было слишком тяжелым, да и у меня уже хватало трофеев на сегодня.

Наверху располагалась женская половина дома.

Справа были покои синьоры Капулетти — самые большие и самые роскошные. Этот большой дворец был почти зеркальным отражением моего собственного фамильного замка — и значит, комнаты девиц, значительно более скромные, располагались слева. Старшая из них, Розалина, по слухам — весьма образованная и начитанная, сейчас, должно быть, уже спала. Ее комната была самой дальней, ведь она была всего лишь племянницей, а не родной дочерью синьоры. Она приходилась Тибальду родной сестрой, но приехала в Верону всего несколько месяцев назад и почти никогда не выходила из дворца. Я слышал, что она совсем не похожа на своего гнусного братца, и это, несомненно, свидетельствовало в ее пользу.

У дверей ее комнаты не было слуг, охранявших покой госпожи. А когда я тронул дверь, она оказалась не заперта. Какие беспечные эти Капулетти, по крайней мере в стенах собственного дома. Я бесшумно отворил дверь и обнаружил, что в комнате совсем не так темно, как я рассчитывал. В очаге потрескивали догорающие поленья, а на столе стоял подсвечник с горящей свечой.

Поскольку балдахин у постели был задернут, я решил, что оставленная на столе горящая свеча не имеет никакого значения: девица все равно ничего не увидит и не услышит сквозь толстые занавеси. Я старался двигаться как можно тише, чтобы половицы не скрипели у меня под ногами, и был почти у самого окна, как вдруг понял, что допустил ошибку.

Ужасную ошибку.

Розалина Капулетти была не в постели. Она сидела на стуле у дальнего конца стола и читала небольшую книжицу.

Я увидел ее раньше, чем она увидела меня.

Свет от свечи отбрасывал на ее кожу золотые блики и отражался в ее больших темных глазах. У нее была лебединая шея; изящные руки бережно держали переплет. Одета она была в простую льняную сорочку — я видел под тонкой белой тканью очертания ее стройного тела. Темные, как ночь, волосы были заплетены в длинную косу, кончик которой она, читая, задумчиво накручивала на палец.

Меня никто не предупреждал, что она так красива.

В следующее мгновение она заметила меня и вскочила на ноги в испуге. Книга упала на стол, и я подумал, что сейчас раздастся крик, который поднимет на ноги весь дом, — этого вполне можно было ожидать от девицы, увидевшей в своих покоях незнакомца в маске.

Но вместо этого она сделала глубокий вдох, а потом медленно выдохнула.

— Что вам нужно? Кто вы? — спросила она.

Я был поражен тем, как твердо прозвучал ее голос. Она сжимала кулаки, и я видел, что она вся дрожит, но взгляд ее был ясным и внимательным, а подбородок воинственно задран. Не бесстрашная, но храбрая, очень храбрая девушка.

Я приложил палец к губам, призывая ее говорить тише. Она не ответила, поэтому я тихо произнес:

— Вы можете называть меня Принцем Теней, синьорина.

Выражение ее лица переменилось, и вызов в ее глазах сменился заинтересованностью.

— Я слышала о вас. Так вы существуете!

— Как видите.

— А я-то считала, что это все пьяные бредни. Я слышала о вас много разного, но так и не поняла, чем вы занимаетесь.

— Воруя, — ответил я. — Это и есть мое занятие.

— А зачем? — Этот вопрос мог показаться глупым, но у нее явно был острый ум, поэтому я не стал отвечать и подождал продолжения. — Вы же не какой-нибудь оборванец. Вы слишком хорошо одеты. Ваша маска из шелка. Вы явно не нуждаетесь в краденном золоте.

Она отличалась не только храбростью, но и необыкновенным самообладанием. Пока сила была на моей стороне, но я начинал сомневаться, что это надолго.

— Мне доставляет удовольствие брать у тех, кто имеет слишком много, — ответил я. — У тех, кому надо бы умерить свою гордыню.

Она стояла очень спокойно, изучая меня, а потом медленно покачала головой:

— Из этого следует, что сегодня вы обокрали кого-то в этом доме. И кто же стал вашей жертвой этой ночью?

Я понимал, что это проверка.

У нее были свои взгляды и свои пристрастия. Но я не хотел лгать, невзирая на возможные последствия.

— Тибальт, — ответил я. — Он негодяй и глупец. Вряд ли кто заслуживает наказания больше, чем он, вы не находите?

Она явно испытала облегчение, услышав это. Не улыбнулась, но уголки ее губ чуть заметно дрогнули.

— Тибальт мой брат. И он очень опасный человек, — заметила Розалина. — Вам следует поскорее

уносить отсюда ноги, пока он сам не отобрал у вас что-нибудь более ценное, нежели то, что вы взяли у него.

— Это очень мудрое замечание, и я совершенно с ним согласен. — Я отвесил ей еще более глубокий поклон, чем ее брату, и гораздо более искренний. — Вы очень добры и благородны.

— И не добра, и с вами не в родстве, — парировала она.

Она снова села за стол и взялась за книгу, делая вид, что не обращает на меня никакого внимания. У нее неплохо получалось, но я заметил, что она все же следит за мной краем глаза.

— Уходите же быстрее. Я уже забыла о вас.

Я еще раз поклонился ей и распахнул ставни. За окном располагался балкон, выходящий в небольшой, окруженный со всех сторон стеной сад: он был похож на удивительный цветущий Эдем в центре каменной пустыни. Посередине играл струями фонтан, наполнявший ночь нежным музыкальным журчанием. Никого из головорезов видно не было, хотя я знал, что у Капулетти их нанято было много: Тибальт не в одиночку пьянствовал этим вечером.

Я вскарабкался на балюстраду, задержался на мгновение на краю, а затем прыгнул как можно дальше на мягкую землю цветника. Пышные ирисы с сильным сладким ароматом гнулись и ломались под моими ногами, когда я бросился бежать. Сердце мое бешено колотилось, я взобрался на стену, перепрыгнул на улицу, отряхнул с одежды садовую грязь и начал свою, как я надеялся, спокойную и безопасную прогулку по Пьяцца-дель-Эрбе*.

* Площадь в Вероне.

Я едва успел стянуть маску и сунуть ее в кошель, как у меня за спиной послышался стук сапог по каменной мостовой и из-за угла вышли двое городских стражников, одетых в цвета герцога Эскала — правителя Вероны. У обоих были широченные плечи и мускулистые руки — какие и положено иметь на темных улицах, если не хочешь, чтобы твоя жена стала вдовой. Дозорные направились ко мне. Когда лунный свет упал на мое лицо, они замедлили шаг и поклонились.

— Синьор Монтекки, — произнес тот, что был повыше, — вам здесь быть небезопасно. Вы бродите у дома Капулетти — и совсем один. Неблаго-разумно, синьор. Очень неблагоприятно.

Я притворился, будто спотыкаюсь и пошатываюсь, как если бы я побывал в винном погребе Тибальга, а не в его спальне.

— Неразумно было бы, ребята, будь я один, но Монтекки никогда не гуляет в одиночестве!

— Разумеется! И сейчас он тоже, определенно, не один! — послышался еще чей-то голос, и за спиной у меня раздались шаги. Я повернулся и увидел знакомую фигуру моего лучшего друга Меркуцио, которому отнюдь не надо было притворяться, что он пьян, о нет! Он даже ухватился за мою шею, чтобы не упасть. — Бенволио Монтекки никогда не будет сражаться в одиночку, пока я дышу! А теперь, негодяи, поучить вас манерам?!

— Синьоры. — Один из стражников, уже терял терпение. — Мы находимся на службе. Поссориться с нами — то же самое, что поссориться с герцогом Вероны. Самым лучшим для вас сейчас будет отправиться куда-нибудь в более подходящее место. Да и время уже очень позднее.

Я расхохотался пьяным смехом:

— Ты слышал это, Меркуцио? Время позднее!

Это была первая строчка популярной — хотя и не слишком приличной — песни, и он немедленно подхватил ее, и мы запели хором. У нас с Меркуцио не было ни слуха, ни голоса. И это было то еще, скажу я вам, представление, когда мы, пошатываясь, ковыляли в сторону дворца Монтекки, сопровождаемые сердитыми сонными проклятиями из окон домов, мимо которых проходили.

Дозорные отпустили нас охотно, явно испытывая облегчение от нашего ухода.

Меркуцио перестал голосить только тогда, когда мы миновали площадь с великолепной статуей Веронской Мадонны и дворец Маффеи*, охраняемый целой армией надутых караульных, которые не сводили с нас глаз все время, пока мы брели по площади. Друг не убрал руку с моей шеи, значит, был действительно сильно пьян и с трудом держался на ногах, но он соображал достаточно хорошо, чтобы понизить голос до шепота, когда спросил:

— Ну что? Как твое приключение?

Я извлек из кошелька драгоценную брошь в виде герба Капулетти и передал ему: Меркуцио коротко присвистнул и повертел ее в руках, восхищаясь тем, как она сияет в лучах лунного света, а потом убрал в свой кошель.

— У меня есть еще кое-что, — сказал я, вынул из ножен рапиру Тибальта и бросил ее другу. Меркуцио — даже пьяный — был гораздо лучшим фехтовальщиком, чем я, и он поймал рапиру с кошачьей

* Дворец Маффеи в Вероне был построен только в XV веке.

грацией. Он исследовал тонкое, изящное лезвие быстрыми, деликатными движениями пальцев.

— Иногда мне кажется, что твое мастерство — это далеко не небесный дар, — сказал он серьезно и похлопал меня по щеке. — Брошь мы можем продать, если выковырять камни и сломать ее, но рапиру...

— Это не для продажи, — быстро перебил я. — Она нужна мне.

— Зачем?!

Я улыбнулся.

Никто и никогда не заподозрил бы в скромном, добропорядочном и воспитанном Бенволио Монтеки той жестокости, дикости и свободы, которые таились во мне. Ночью я становился совершенно другим — совсем другим, нежели меня знали мой город и моя семья.

— Я пока не знаю, — сказал я. — Но могу тебя заверить, что об этом будет говорить весь город.

На следующий день рапира Тибальта Капулетти нашлась: она была глубоко воткнута в тяжелую дубовую дверь таверны. Ею был пришпилен листок с грубым стихотворением, в котором содержалась занимательная история о Тибальте, свинье и неких действиях, которые обычно не одобряются церковью и почтенными обывателями.

Это был хороший день.

Это было начало конца хороших дней...